

Ключевые слова: П.Ф. Лаптин, Е.А. Косминский, взаимоотношения, эпистолярный, письма, ученый.

Одержано 3 жовтня 2012 р.

УДК 94(477)(092)

П.Ф. Лаптин

ПРОБЛЕМЫ ОБЩИНЫ В ТРУДАХ А.Я. ЕФИМЕНКО

Александра Яковлевна Ефименко (1848-1918) – крупный представитель русской и украинской либерально-народнической историографии, историк-этнограф. Весьма популярна у современников. Интенсивная творческая жизнь Ефименко, смелость и оригинальность ее научного мышления, своеобразие ее исторических концепций и гипотез, построенных на большом фактическом материале, – все это создавало научный авторитет ученого, особенно в этнографии. На Ефименко ссылаются классики марксизма¹. Советские историки всегда проявляли большой интерес к творчеству А.Я. Ефименко, но обращались к нему, преимущественно, в общих работах, монографические же исследования предпринимались весьма редко².

Мы избрали предметом нашего исследования проблему общины в творческом наследии А.Я. Ефименко, и это не случайно. Именно изучение истории общины стало призванием всей научной жизни Ефименко, определило все ее творческие устремления, ее место в исторической науке. Историографический анализ данного вопроса представляет не только исторический, но и большой теоретический интерес. Напомним, что классики марксизма, опираясь на труды лучших представителей прогрессивной исторической мысли, создали общинную теорию, открывшую путь к познанию сложнейших проблем исторического процесса. Неслучайно реакционные буржуазные историки, ведя борьбу с марксизмом, всегда прилагали максимальные усилия, чтобы поколебать общинную теорию, ревизовать и обесценить все лучшее, что создано в этой области передовыми учеными в прошлом и настоящем. К этим ученым, несомненно, относится и А.Я. Ефименко. Поэтому «общинное наследие», которое нам оставила талантливый историк, во многом сохраняет познавательную ценность и на сегодня, раскрывает ту роль, которую сыграли прогрессивные русские историки в развитии отечественной исторической мысли. По праву А.Я. Ефименко может быть отнесена к известной школе Лучицкого-Ковалевского, столь много сделавшей в изучении проблем общины.

Прежде всего, несколько слов о методологической системе взглядов А.Я. Ефименко, лежащей в основе ее общинной концепции. Философским ее кредо был позитивизм, воспринятый сквозь призму русской исторической действительности 70-80-х годов XIX в.³ Признание закономерности

и универсальности исторического процесса, плюрализм и эволюционизм в объяснении исторических фактов и явлений. Эти позитивистские принципы переплелись у Ефименко, особенно в первый период ее творчества, с демократическими, народническими идеями, выражавшимися в глубоком сочувствии крестьянству и его борьбе с феодалами, защите равноправия народов и осуждении национального угнетения.⁴

Особое место в творчестве А.Я. Ефименко занимала так называемая «трудовая теория». На этой «теории», по существу, основана ее общинная концепция. В ее применении выражены общественные идеалы и методологические принципы ученого, представляющие причудливую смесь глубокого демократизма и буржуазного либерализма, научного реализма и антиисторического идеализма. Руководствуясь «трудовой теорией», Ефименко осуждала эксплуатацию и насилие, провозглашая труд как источник всякого права и, прежде всего, на землю как основы «социальных отношений».⁵ «Земля – не продукт труда человека; следовательно, – пишет Ефименко, – на нее не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда».⁶ Но эта «теория» в тоже время была серьезной преградой на пути подлинно научного познания исторического процесса, особенно, в вопросах генезиса земельной собственности различных форм и природа земельных отношений в истории общества. Проще говоря, «трудовая теория» создавала почву для различных социальных иллюзий, делала беспомощным искренне честного ученого в научном разрешении поставленных им проблем. Именно, опираясь на данную «теорию», Ефименко провозглашала типически народнические тезисы об исключительных особенностях исторического развития России, противопоставляя ее Западу, скатывалась даже к идеализации социальных отношений в феодальном обществе.⁷

Разумеется, эти «грехи» никак не умаляют все те достоинства, которые имеет А.Я. Ефименко в конкретном исследовании проблем общины, но их нужно знать, чтобы лучше разобраться в его сущности, определить подлинную научную ценность, познавательное и историческое его значение.

А.Я. Ефименко исследовала историю общины, прежде всего, как этнограф, опираясь в значительной мере на устную традицию, сохранившуюся веками в народе вплоть до середины XIX века. Она провела большую источниковедческую работу, подняв огромный архивный материал. Для своих исследований общины на крайнем севере России и на Украине Ефименко использовала акты из местных архивов монастырских и архиерейских управлений, так наз. свитки XVI-XVII ст. находившиеся у местях крестьян, особенно документы, относящиеся к истории поземельных отношений, – купчие, закладные, отдельные, духовные завещания, порядные, вверенные книги, монастырские переписи и пр.⁸ А.Я. Ефименко выступила как крупнейший археограф, призывая русскую историческую общественность к разысканию и сохранению ценнейших архивных фондов по истории русского крестьянства. Она с осуждением относилась к фактам пренебрежения

к столь важным источникам. Как-то ужасно грустно становится при мысли, писала Ефименко, что в то самое время, как молодые русские ученые изучают английские памятники, «свои, русские немилосердно истребляются, – получается русская история французского крестьянина и в то же время безвозвратно погибает возможность выяснить когда-нибудь историю своего собственного крестьянина⁹.

А.Я. Ефименко широко ориентировалась в литературе вопроса, следила за его разработкой современниками, вводила в свои исследования большой историографический материал. Однако нельзя не учитывать, что молодой ученый начал свои научные изыскания в сложных условиях. Если в 70-х годах XIX в. на Западе имелись уже определенные успехи в исследовании проблем общины, выраженные в публикации работ Маурера и его последователей, то в России изучение вопроса находилось еще в «младенческом» состоянии. К тому же усложняло работу молодого ученого значительное влияние чичеринской школы антиобщинников, народническая публицистика тех времен, на страницах которой велась беспредметная полемика по вопросам общины, вводившая путаницу в уяснение проблемы. Все эти обстоятельства отложили отпечаток на творчество А.Я. Ефименко, не в малой мере определили особенности его общинной концепции.

Несомненной заслугой А.Я. Ефименко является то, что она в отличие от народников рассматривает общину не в статике, а в эволюции и развитии, обусловленным динамикой самого феодального общества.

К тому же общинная ее теория построена на принципах признания всемирности исторического процесса. Это дало возможность Ефименко, пользуясь историко-сравнительным методом, глубже проникнуть в исторический процесс, разобраться в сложных явлениях аграрной истории восточных славян.

Основное, что определяет всю концепцию А.Я. Ефименко – это ее учение о трех формах общины как универсальных этапах развития и эволюции аграрных отношений. Такими формами являются: семейная община, печище – на Севере России, дворище – на Украине, долевая община и общинное владение.

Особенный интерес представляет фактическое описание этих общинных форм, основанное на богатых этнографических материалах, впервые поднятых и введенных в научный обиход.

Обратимся к северо-русскому варианту общинных форм, весьма тщательно изученных Ефименко, и на этом примере сделаем необходимый анализ и обобщение.

Печище – большесемейный родовой коллектив, являющийся, по мнению Ефименко, прототипом югославянской задруги, впервые широко описанной сербским этнографом В. Бочишичом. Печищное хозяйство, основанное на нераздельной собственности родовой семьи, ведется «целым союзом ближайших родственников», состоящим из дядей, племянников, двоюродных братьев. Причем этот человеческий коллектив нераздельный, так как

он зиждется на нерасторжимых родовых связях, хотя жить члены этого коллектива могут вместе, в одной избе, или раздельно, в разных избах. Все зависело от конкретных условий. Так представляет А.Я. Ефименко северорусскую большую семью как первый фазис общинной организации.¹⁰

А. Ефименко сделала попытку уяснить особенно сложный вопрос происхождения большой семьи. Именно здесь, применив пресловутую «трудовую теорию», она создала далекую от совершенства гипотезу. Ефименко полагала, что северорусская семейная община возникла в XI-XII вв. путем колонизации «ничейной» земли не родами или племенами, как это делали германца времен Цезаря и Тацита, а семейными союзами, захватившими под обработку необходимую земельную площадь, превратившуюся в их собственность. Так в результате труда возник «первый вид земельной собственности».¹¹

А.Я. Ефименко рассматривает большую семью как универсальный институт, присущий всем народам на соответствующем этапе их развития. Длительное сохранение семейной общины у некоторых народов Ефименко рассматривала как анахронизм, как фактор, тормозящий их развитие. Когда жизнь «заключена в тесные рамки родовой семьи, – никакой шаг вперед невозможен для народа. Народ обречен на вечную неподвижность во всех сферах жизни, обречен, быть мумией среди живых людей».¹² Здесь мы видим одно из положений Ефименко, которое никак не вписывается народническую концепцию.¹³

Несомненно, наиболее ценным является фактическое описание семейной общины у восточных славян. Этим самым Ефименко существенно дополнила универсальную большесемейную картину, созданную М.М. Ковалевским и И.В. Лучицким. Потому-то поражает тот факт, что историк не ссылается на работы своих соотечественников, которые могли бы ее предостеречь от многих ошибочных положений. А.Я. Ефименко не отличает «живую» форму общинных отношений от пережиточных традиций, ее реликтов. Лишь этим можно объяснить тот факт, что возникновение северорусской большой семьи (печища) она относит лишь к XI-XII в., т.е. к тому времени, когда уже сформировался русский феодализм и большая семья могла сохраниться, может быть даже в сильной форме, но все же лишь в исторической традиции.¹⁴ Причем Ефименко не уясняет, что же представляло собой славянское общество до XI в. А для периода 70-90-х годов, когда историческая наука много сделала в изучении родового первобытнообщинного строя, такие представления были уже анахронизмом. В этом, кстати, наиболее слабая сторона всей общинной концепции А.Я. Ефименко.

Наибольший интерес представляет исследование Ефименко вопроса разложения семейной общины. В этой части она сделала большой вклад в науку.

Прежде всего, А.Я. Ефименко собрала большой и очень ценный фактический материал, относящийся к значительной территории Восточной Европы. К тому же Ефименко в историко-сравнительных целях всегда обраца-

ется к югославянской задруге, используя труды В. Богишича. Отметим, что подобным образом поступал и М.М. Ковалевский, сделавший крупнейшие открытия в области больше семейной проблемы. Задруга принималась вроде эталона, к которому «примерялись» изучаемые сложные явления процесса разложения большой семьи других народов. Несомненно, что наблюдение, вывода и обобщения, которые сделала Ефименко, выходят далеко за специфические рамки вопроса и приобретают общетеоретическое значение, уясняют одну из сложных проблем тогдашней исторической науки.

А.Я. Ефименко рассматривает разложение семейной общины как исторически обусловленный процесс, вызванный, прежде всего, экономическими причинами. Сущность этого процесса заключалась в разрушении родственных начал и утверждении экономических и территориальных принципов человеческого общежития. Обрекает семейную общину на разрушение, прежде всего, частная собственность. А.Я. Ефименко, обращаясь к югославянской задруге, обнаруживает в ней уже первые симптомы частной собственности, выраженные в том, что каждому ее члену предоставляется право «иметь что-либо свое, совершенно независимое от общего». ¹⁵ А коль скоро это случилось, рост частной собственности быстро усиливается. Каждый член задруги стремится путем посторонних заработков побольше приобрести внесемейной собственности. Особенно большое значение в разрушении семейной общины Ефименко придает отхожим промыслам. Начинаются семейные разделы. Проникают в общину внешние, враждебные элементы. Меняются и принципы внутрисемейных отношений. Общественное место в большесемейном коллективе нередко определяется уже не по старшинству, а по личным качествам его каждого члена. Поэтому иногда старейшиной избирают не старшего, как это предвидется родовой традицией, а из младших членов, отличившихся своим умом и характером ¹⁶.

Обращаясь к печищу, Ефименко вскрывает подобную картину, но с некоторыми особенностями, вызванными тем, что северорусская семья была менее архаична, чем задруга. Здесь господство родовых начал «далеко не так безусловно, как в задруге» ¹⁷. Здесь принцип старшинства и родства еще больше потерял свою силу, чем в задруге. Если же старший по возрасту или по степени родства получает власть в общине то лишь до тех пор, пока он может трудиться, при одравлении его заменяет более способный. Раздел печичного имущества осуществляется не по числу членов рода (как в задруге), а по числу лиц, участвовавших в приобретении этого имущества. «Право крови не имеет почти никакого значения». Родной сын устраняется от участия в дележе, если он жил в чужой стороне и не помогал семье ¹⁸. Таким образом Ефименко показала весьма убедительно, что процесс разложения северорусской семейной общины зашел весьма глубоко, и в этом она отличалась от задруги. Однако у северных народов России, лопарей, карелов, самодийцев (самоедов), большая семья была более архаической, и процесс ее разложения был весьма поверхностным. Семейные разделы здесь весьма редко, так как родовые традиции еще сильны ¹⁹.

И, напротив, дворище на Украине в тот же исторический период подверглось более сильному разложению, чем северорусская семья. Здесь дворищное землевладение уже не было нераздельным землевладением большой семьи, так как последняя делилась на самостоятельные земельные хозяйства (дымы), сами платившие подати и повинности. Распад дворища сопровождается действительным разделом, основанным на праве частной собственности на заимку и возрастающим неравенством между дымами.²⁰

Вряд ли можно переоценить все то, что сделала А.Я. Ефименко в вопросе разложения большой семьи. Собранный ею оригинальный фактический материал, экономическое обоснование проблемы являются серьезным дополнением к тому, что уже сделали ее современники И.В. Лучицкий и М.М. Ковалевский. Причем экономическую обусловленность распада русской семейной общины Ефименко рассматривала как исторически универсальный процесс, отвергая попытки приписать этому явлению черты национальной исключительности. «Не каким-либо идеальным свойством русской природы, – писала Ефименко, – не чувству уважения к труду, будь то бы специально свойственному нашему крестьянству, должно приписать это явление».²¹ К тому же фактический материал особенно экономического характера, у Ефименко даже богаче, чем у Ковалевского. И это вполне объяснимо. Ведь Ефименко имела дело с узким регионом исследования, к тому же с таким районом, как северная Россия, где сохранились богатейшие традиции родовых отношений. Но зато обобщения Ефименко беднее, чем у Ковалевского, не столь масштабные и универсальные.

А.Я. Ефименко, разумеется, как буржуазный историк, не во всем могла разобрататься в сложной проблеме разложения большесемейной общины. Мы у нее обнаруживаем идеалистическую интерпретацию исторических явлений, плюрализм и прямое отражение пресловутой «трудовой теории». А.Я. Ефименко ставит в один ряд исходные, первостепенные причины и причины производные, вторичные. Она показала убедительную картину семейных разделов, раскрыв экономическую ее основу. Но в то же время она приписывает личности какие-то отвлеченные, природой обусловленные антиобщинные черты, сыгравшие важнейшую роль в разрушительном процессе. «Родовая семья, – писала Ефименко, – не совместит с развитием личности, все же развития личности для нас, немислимо движение вперед ни в каком смысле, включая даже и экономический».²² Здесь, разумеется, полнейший исторический идеализм.

Ведь творческая инициатива человеческого индивидуума обусловлена уровнем развития общества. В родовом обществе, с его примитивным производством и бессилием перед природой, человеческая личность полностью поглощена коллективом, ведущим тяжелую борьбу за существование. Вне человеческого коллектива отдельный индивидуум обрекался на неминуемую гибель.²³

На развалинах семейной общины вырастает вторая форма общинных отношений – долевая община. Именно учение об этой общине Ефименко считала основой всей своей концепции.

Долевая община отличалась, по мнению Ефименко, от семейной общины тем, что она базировалась не на кровно-родственной, а на территориальной основе. Однако сущность этой поземельной организации заключалась в том, что здесь «союз родственников замещался союзом складников, сохраняя под собой всецело старую кровную схему»²⁴. А.Я. Ефименко дала своеобразную интерпретацию правовой природы земельных отношений в долевой деревне. Земля каждого ее жителя не является общинным владением, так как величина участка каждого деревенского совладельца определяется наследованием, покупкой и другими подобными основаниями, не имеющими ничего общего с теми основаниями, которыми обычно определяется право общинника на его долю (здесь имеется в виду принцип равенства). Но это и не подворно-участковое владение, так как каждый совладелец деревни являлся представителем идеальной доли целого, всего, что к той деревни «из-старь потягло»²⁵. Ефименко считала важнейшей чертой такой долевой деревни именно то, что она не знала равенства в поземельном владении. И это было обусловлено тем, что здесь деревенский дольщик был собственником своей доли, с широким правом ее продавать, завещать, наследовать, дробить. В подобных условиях равенство и практика переделов, хотя и предполагались, но фактически были неосуществимы²⁶.

А.Я. Ефименко считала долевую поземельную организацию общим типом старой русской поземельной организации, выросшим на развалинах северной семейной общины. Однако утвердилась она только на Севере в силу двух причин – особенностей русской колонизации Севера и условий местности. Финский Север был колонизован тогда, когда у родово-племенной быт у русских славян «должен был уже подвергнуться разложению», а болотистая и лесная местность не разрешала селиться сплоченными группами.²⁷

А.Я. Ефименко гипотетически полагала, что разложение большой семьи неминуемо ведет к образованию долевой деревни, что это детерминированный общеисторический процесс. Но если подобное не случалось в других странах, то это объясняется специфическими обстоятельствами. Ефименко, кстати, считала, что Маурер наталкивался на факта существования древнегерманской большой семьи и пришедшие из ее недр элементы долевой поземельной организации, но не придавал этому никакого значения.²⁸ Таким образом, долевая община, как полагала Ефименко, универсальный институт, но в полной форме он утвердился лишь на Севере России, где для этого сложились необходимые условия.

Существенной частью общинной концепции А.Я. Ефименко является ее взгляд на трансформацию долевой общины и утверждение третьей формы: общинных отношений – общинного владения. Ефименко считала, что в долевой организации имелись в зародыше все существенные черты двух форм поземельного владения – общинного и подворно-участкового. Все зависело от того, – сохранит крестьянин право собственности на возделанную им землю или это право будет забрано. В первом случае долевая общины распадается и утверждается индивидуальное, частное владение, во втором

– общинное (уравнительное) владение.²⁹ Эти оригинальные положения А.Я. Ефименко пыталась применять везде и всюду в решении подобного вопроса, рассматривала их как важнейший компонент своей общинной концепции.

До XVII века, по мнению Ефименко, северная долевая деревня сохраняется еще в первоначальном виде, а угле с начала этого века происходит естественный процесс ее разложения, ведущего неминуемо к утверждению подворного владения. Первое проявление этого процесса – это уклонение от ранее кажущейся возможности произвести точный земельный раздел. Длительный уход за землей одним совладельцем все больше способствовал рассмотрению этих участков как своей собственности. Появление у отдельных хозяев лично приобретенной земли, не поступившей в передел. Появление нови, которая переделывается необычно – только теми, кто ее поднимал.

Ефименко особенное внимание обращает на рост населения как наиболее существенный фактор разложения, долевой деревни.³⁰ К вторичным причинам, разрушавшим долевую деревню, она считала вторжения посторонних элементов, купцов и посадских людей, являющихся всегда врагами традиций деревенской жизни.³¹ Но именно в то время, когда долевая община находилась на грани полного распада и утверждения индивидуально-подворного землевладения, вторгается государство провозгласившее землю государственной собственностью. В силу равенства повинностей крестьяне сами непременно должны были поровнять между собою и землю. Так возникает крестьянская уравнительная община, представляющая третий фазис общинной эволюции.³²

Такова в целом общинная концепция А.Я. Ефименко. Как видимо, она исключительно сложна и противоречива, мы в ней видим немало ценного, реалистичного, но в то же время она не лишена идеалистических, антиисторических погрешностей.

Заслуга А.Я. Ефименко, прежде всего, в том, что она впервые широко и убедительно показала трансформацию русской общины, представив ее в непрерывном развитии и эволюции. Ее богатые наблюдения построены на большом документальном и этнографическом материале. В этом Ефименко существенно отличается от народников, рассматривавших общину как неизменный, закостенелый общественный институт. Однако следует отметить, что типологизация общины, предпринятая ученым, далека от совершенства. Если русская семейная община, представленная Ефименко, является большой ее удачей, то последующие конструированные ею формы («долевая община», «общинное владение») искусственны, надуманы, никак не вписываются в уже достигнутые рамки тогдашней исторической науки. Долевая община обрисована очень ярко, но отдельной формой она быть не может. Здесь мы имеем, скорее всего, искусно выхваченное некое звено из сложной цепи разложения большой семьи. Поскольку на севере России община сохранилась очень долго, а процесс ее разложения был очень медленным, протекавший преимущественно спонтанным путем, то каждый шаг ее трансформации сопровождается постепенным проникновением нового

в «живую» ткань столь же медленно распадающейся семейной общины. Неслучайно, поэтому, в доленой общине представленной Ефименко, тесно переплетаются большесемейные традиции с практикой, разрушающей основы родового коллектива – большесемейную собственность и принципы родового авторитаризма.

Наиболее слабым звеном во всей концепции А.Я. Ефименко являются ее взгляды на так наз. общинное владение как третий, последний фазис общинной эволюции.

А.Я. Ефименко, прежде всего, не поняла генетической природы поземельной общины, приписав государству главную роль в ее возникновении. Здесь невольно автор отдавала дань чичеринской школе, хотя сама выступала с критикой «государственной теории» происхождения общины. Антиисторическими являются также ее взгляда на русскую общину как на уравнительную общину с периодическими переделами. Для Ефименко нет общины там, где нет поземельной равности, искусственно созданной государством с целью уравнивания повинностей.

А.Я. Ефименко допустила путаницу и в хронологической периодизации установленных ею общинных форм. Северную русскую долевою деревню она растянула аж до 30-х годов XIX века, после чего утверждается поземельная община³³. А.Я. Ефименко не лишена была и идеализации феодального общества, что не могло не отразиться на ее общинной концепции. Для нее феодальное общество построено на принципах распределения обязанностей между дворянством и крестьянами. Те и другие являлись тяглым населением, в равной мере прикрепленные к обязанностям. Феодал как военно-служилый человек был прикреплен к своей службе, которую он не мог оставить по произволу, а крестьянин был прикреплен к своему тяглу, которое он не мог оставить, «не подыскавши себе заместителя».³⁴ Таким образом «община равных» сочеталась у Ефименко с «равностью» феодального общества. Отсюда невольно вытекала и идеализация феодальной общины. Это вовсе не значит, что русский историк был сторонником «социально-го мира». Мы уже отмечали, что А.Я. Ефименко, особенно в ранние года, вскрывала классовые противоречия в средневековую эпоху, с глубоким сочувствием относилась к тяжелой судьбе русского крестьянства, мечтала о его социальном освобождении. Но у А.Я. Ефименко мы видим удивительное сочетание народника и буржуа-либерала, причем к закату творческой жизни последний все более брал верх над первым – либерал вытеснял народника.

К концу 90-х годов XIX века А.Я. Ефименко приступила к исследованию общины на Украине. И здесь она сделала очень ценную, внесла значительный вклад в уяснении многих для тех времен весьма сложных и спорных вопросов. Фундаментальной ее работой в этой части является «Дворищное землевладение в Южной Руси (Исторический очерк)»³⁵.

Украинское дворище – это также большая семья, что и северорусское пещице. А.Я. Ефименко широко его описала, наделив его теми же чертами,

что печище.³⁶ Особенный интерес представляют ее взгляды на эволюцию большой семьи (дворица) на Украине. Вопрос мало исследован, а его изучение составляло большую трудность из-за скудости источников. К тому же проблема стала предметом острой полемики в тогдашней русской историографии, особенно между сторонниками и противниками общинной теории. Именно в этой части А.Я. Ефименко проделала большую и исключительно сложную исследовательскую работу, выразив во многом весьма реалистические соображения.

А.Я. Ефименко считала, что в силу ряда причин эволюция дворица привела к иным результатам, чем эволюция его северорусского прототипа. Гипотетически она допускала, что в определенный период и на Украине утверждалась долевая община, но трансформационный процесс оказался здесь не завершением.³⁷ Дальнейшая судьба украинской общины сложилась по-разному – на Правобережной Украине и на Слобожанщине.

XVI век был роковым для общины Правобережной Украины. Польская колонизация украинских земель, начавшаяся широко после Люблинской унии 1569 г. нанесла удар по общинной организации. Утверждение крупного фольварочного барщинного хозяйства, введенная Польшей волочная система и разминивания поломали общинные традиции, разрушили общинные связи. «Крестьянин, – писала Ефименко, – оставаясь земледельцем, был оторван всем этим от своей земли, и как Антей, лишенный силы, брошен был бессильной игрушкой на произвол слепого исторического фатума».³⁸ К тому же само польское государство сознательно разрушало общинную организацию, представлявшую защиту и убежище «старого крестьянского вольного духа». «Нужно было дезорганизовать крестьянскую массу, – отмечала Ефименко, – чтобы поставить лицом к лицу с новыми условиями лишь единичного крестьянина, совершенно бессильного, лишенного и проблеска сознания о возможности оппозиции и борьбы».³⁹ Таковы те обстоятельства, которые, по мнению, Ефименко, привели к быстрому разложению дворицной системы на правобережной части Украины, оказавшейся под властью Польши.

Особый интерес представляет исследования аграрных отношений на Левобережной Украине после освободительной войны 1648-1654 гг., Здесь, отмечает Ефименко, все «было скасовано козацкой саблей» и украинский народ «мог начать сызнова писать свою историю».⁴⁰ Именно в связи с анализом земельных отношений в этой части Украины возник вопрос о сябрах, представлявший наиболее запутанный и мало изученный вопрос тех времен.

К концу XIX века сябринская проблема привлекла многих историков. Развернулась острая полемика вокруг ее разрешения.

Первым к этому вопросу обратился И.В. Лучицкий, показав сябров как форму общинных отношений на Украине. Их возникновение он связывает с характером заселения Левобережной Украины после освобождения ее от панской Польши. Поселение на новых землях, проводившееся на прин-

ципах захвата и фактического пользования, осуществлялось целыми родственными группами, и эти заимочные земли попадали в безраздельную собственность не отдельных их представителей, а всей общины или родственного союза. Прообразом такого объединения, по мнению Лучицкого, была большая семья, перенесенная сюда с Левобережья, но «привитая» здесь ее в полной мере, а лишь в виде частичного ее разложения. Это и были сябры.⁴¹

Подобных взглядов придерживалась и А.Я. Ефименко, хотя в ее концепции мы видим и существенные отличия. Она, подобно Лучицкому, сябры рассматривает в определенной связи с семейной общиной (дворищем), ее разложением, но с иной акцентацией. Для Лучицкого сябринное землевладение – преимущественная форма земельных отношений на Левобережной Украине, для Ефименко – лишь остаток, реликт общинного института.⁴² А.Я. Ефименко ближе стояла к истине, чем И.В. Лучицкий, особенно тем, что сябринство не выводила исключительно из разложившейся большой семьи, допуская ее возникновение и вне генерической связи с общинным институтом, чисто договорным путем.⁴³ Наконец, Ефименко подошла к проблеме шире, универсальнее. Если Лучицкий сябринство ограничил лишь локальной территорией левобережной Украины, то Ефименко обнаруживает его на всей территории Украины, рассматривает его как отдельное звено общего процесса разложения общинных отношений. Ефименко, однако, и уступала Лучицкому в разработке сябринской проблемы. Если для Лучицкого сябры служили подтверждением существования украинской общины, идущей своими корнями в далекое прошлое, то для Ефименко сябры были лишь реликтными явлениями, говорившими лишь о прошлом украинской общины, но никак о ее настоящем. Еще более существенным пороком во взглядах на исторические судьбы украинской общины было то, что она отрицала для Украины сконструированный ею третий этап общинной эволюции. Ефименко считала, что в отличие от России, на Украине дворище не переросло в общинное уравнительное владение, оно было ликвидировано еще в XVI веке аграрной реформой Сигизмунда Августа. Сябринная же практика, наблюдаемая на Левобережье после освободительной войны 1648-1654 гг., была редким явлением на фоне преобладающего господства подворного владения. К тому же украинское крестьянство проявляло мало усердия в сохранении общины, было больше склонно к ее разрушению.⁴⁴ Так что Украина, в отличие от России, уже с XVI века стала фактически краем подворного землевладения. Таким образом, и здесь мы видим отражение антиобщинной теории «государственников» – везде государство определяет судьбы общины, но с различными результатами. Если на севере России под государственным воздействием пещище обратилось в уравнительную общину с периодическими переделами и пропорциональными долями, то на Украине государственное вмешательство в судьбы дворища привело к иным результатам – его разрушению.⁴⁵ Поэтому и сябры были лишь далеким «эхом» общинной Украины.

Разумеется, в этих утверждениях выражены наиболее слабая сторона всей общинной концепции Ефименко, глубокие ее заблуждения и противоречивость всей ее методологической системы. Тем более поражают подобные взгляды, что в это время наступил своими известными исследованиями украинской общины М.В. Лучицкий, научный авторитет которого для Ефименко был неоспоримым. Здесь мы сталкиваемся с типичным примером методологической беспомощности буржуазного ученого.

Однако все эти пороки никак не могли умалить всего того, что сделала А.Я. Ефименко в исследовании сябринной проблемы. Вместе с Лучицким, дополняя друг друга, впервые поставила столь сложный вопрос на реальную почву. Труда А.Я. Ефименко и И.В. Лучицкого, посвященные сябрам, укрепили позиции прогрессивных ученых, ограждали общинную теорию от ее противников. Неслучайно известный историк-антиобщинник В.Сергеевич выступил в этом вопросе с резкой критикой Ефименко и Лучицкого, отстаивая антиобщинный тезис о сябрах как о простых совладельцах, отвергая их генетически общинную природу.⁴⁶ С подобных позиций выступил и Лаппо-Данилевский, хотя с некоторыми компромиссными утверждениями, полагая что первоначально в основе сябринства лежали родственные отношения, а с течением времени сябры стали слагаться на артельной, совладельческой основе.⁴⁷ Вопрос о сябрах будет и впредь «камнем преткновения» в украинской историографии, вокруг него будут продолжаться споры и дискуссии, но фактический материал, впервые поднятый А.Я. Ефименко, многие ее наблюдения и обобщения сохраняли свою познавательную ценность.

Таким образом, разработка А.Я. Ефименко общинной проблемы составляет одну из лучших страниц в дооктябрьской отечественной историографии. Впервые подняв огромный фактический материал по истории общины народов Восточной Европы, находившихся на различных ступенях исторического развития, Ефименко сумела показать стадияльно-региональную картину общинных отношений, вскрыть сложный и исторически детерминированный процесс эволюции общин. Именно этим ученый обогатил общинную теорию, делал ее еще более аргументированной и неопровержимой.

Разумеется, общинная концепция А.Я. Ефименко изобилует, как мы видели, многими пороками, но они явились результатом, скорее всего, методологической беспомощности буржуазного ученого. Однако в целом, «общинное наследие», которое нам оставила А.Я. Ефименко, воспринятое сквозь призму подлинно научной, марксистской критики, составляет значительней вклад в науку, не потеряло и сейчас актуального значения. В условиях, когда современная буржуазная историография, ведя борьбу с марксизмом, организует фронтальную «атаку» против общинной теории, творческое наследие А.Я. Ефименко продолжает и теперь служить интересам прогрессивной исторической науки, помогает отстаивать ее завоевания от поползновения ее противников.⁴⁸

Примітки

1. См. К. Маркс. Архив, кн. 4, М., 1929, стр.404-405; В.И. Ленин. Соч. Т. 13, стр.14.
2. В довоенные годы см. работы украинских историков: Д.І. Багалій, – Харківська доба діяльності Олександри Яківни бфіменкової (1879-1906р.), «Збірник науково-дослідної кафедри історії української культури», Харків, 1930, Т. X., стр. 5-15; Білик, – Огляд головних праць Олександри Яківни Ефіменко, там, стр. 17-31. Здесь авторы делают фактическое описание творческого наследия А.Я. Ефименко, концепционный анализ весьма поверхностный. Первую серьезную попытку монографического марксистского исследования творчества Ефименко предприняли в последнее время П.Г. Марков и О.Ф. Скакун /см. П.Г. Марков – «А.Я. Ефименко – историк Украины», Киев, 1966; О.Ф. Скакун – «Исторические взгляды А.Я. Ефименко» Харьков, 1968, Автореферат/.
3. О своеобразной интерпретации позитивизме в русской буржуазной историографии второй половины XIX века см. Е.В. Гутнова. Историография истории средних веков /середина XIX в. – 1917 г./, М., 1974, стр. 64, 271-272; П.Ф. Лаптин. Община в русской историографии, Киев, 1971, стр. 6-9.
4. См. П.Г. Марков. Указ. соч., стр. 50-64; О.Ф. Скакун. Указ. соч., стр. 6-8.
5. А.Я. Ефименко. Трудовое начало в народном обычном праве, журн. «Слово», 1878, январь, стр. 148.
6. Там же.
7. А.Я. Ефименко. Трудовое начало в народном обычном праве. указан, изд., стр.149-156. Нельзя согласиться с тезисом П.Г. Маркова, что выдвинутая Ефименко теория «трудового права» была передовой для того времени /см. П.Г. Марков, указ. изд., стр.19/. В действительности эта «теория» для 70-90-х годов XIX в., когда марксизм стал всепобеждающим учением, а историческая наука достигла высокого уровня, не «вписывалась» даже в рамки прогрессивной буржуазной
8. См. А.Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. «Сборник народных юридических обычаев», Т. 1, СПб, 1878, стр.9; Исследования народной жизни. Выпуск I. Обычное право, М., 1884, стр.185-188; Дворянское землевладение в Южной Руси /исторический очерк/. Сборн. «Южная Русь. Очерки исследования и заметки», СПб, 1905, стр. 371, 377. Статья была опубликована в «Русской мысли» за 1882 год. Впредь ссылки на этот сборник.
9. А. Ефименко. Исследования народной жизни. Выпуск первый. Обычное право. М., 1884, стр. 186.
10. А. Ефименко. Исследования народной жизни. Выпуск первый. Обычное право. М., 1884, стр. 61-62, 365-367; ее же. Южная Русь. Очерки, исследования и заметки..., указ. изд., стр. 371-372.
11. А.Я. Ефименко. Исследования народной жизни..., Указ. изд., стр.206-218. Учебник русской истории старших классов средних учебных заведений. СПб., 1909, стр. 44-45.
12. А.Я. Ефименко. Исследования народной жизни... указ. изд., стр. 59, ф. стр. 130.
13. Подробно об описании семейной общины М.М. Ковалевским и И.В. Лучицким см. П.Ф. Лаптин, – Община в русской историографии..., стр. 193-198, 213-214-217.

14. Реликта большой семьи мы можем обнаружить у многих современных народов, в силу многих причин отставших в своем развитии. Интересно отметить, что проф. Ф. Углов весьма ярко описывает свои наблюдения большой семьи в сибирской деревни Ключи /ныне Казачинско-Ленского района/ где-то 1919-1920 гг. «Крестьяне жили большими семьями. Главой считался старый отец, а его сыновья со своими семьями находились обязательно «при отце», во всем подчиняясь ему. Было странно видеть, как за столом старик-отец вдруг ударит, может по лбу бородатого сына да еще пообещает огреть вожжами. А тот только скажет: «За что, тятенька?»/ Ф. Углов. Сердце хирурга. журн. «Молодая гвардия», 1974, № 3, стр. 262-263.
15. А. Ефименко. Исследования народной жизни..., указ. изд., стр. 60.
16. Там же, стр. 59-61, 66-67.
17. Там же, стр. 62.
18. А. Ефименко. Исследования народной жизни, указ. изд., стр. 63-64.
19. А.Я. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии.» Сборник народных юридических обычаев», Т. 1, СПб., 1878, отдел второй, стр. 109, 112-113, 183, 212-220.
20. А.Я. Ефименко. Дворищное землевладение в южной Руси /исторический очерк/, «Русская мысль», 1892, апрель, стр. 167.
21. А. Ефименко. Исследования народной жизни, указ. изд., стр. 64-65.
22. Там же, стр.130.
23. Отметим, что фактические моменты, которых коснулась Ефименко, особенно в описании и разложении семейной общины, во многом подтвердились исследованиями советских ученых. См.: А.И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв., М., 1956, стр. 11-13, 107- 121, 262-271, 318-331; его же. К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у аллеманов в VI-IX вв. /в связи с толкованием термина «генеалогия»/, - «Средние века», вып. VIII, 1956; К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодального зависимого крестьянства как класса, - «Средние века», вып. VI, 1955, стр. 8-12; его же. Новые данные по источниковедению Салической правда.- «Средние века; вып. XXI, 1952, стр.236; вып. 25,1964, стр.45-46. А.Я. Гуревич. Английское крестьянство в X – начале XI в. - «Средние века», вып. IX, 1957, стр. 69-70; его же. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье / по судебнику Фростатинга./- «Средние века», вып. VIII, стр. 95-96. В.П. Ту-майкин. Соседская община Заволжской Мордвы в пореформенный период /по материалам Самарской губернии /. Автореферат. М., 1974, стр. 14-15.
24. А. Ефименко. Исследования народной жизни, указ. изд., стр. 225.
25. Там же.
26. Там же, стр. 293.
27. Там же, стр. 230-234.
28. А. Ефименко. Исследования народной жизни, стр. 236-237.
29. Там же, стр. 225-226, 376, 368.
30. А. Ефименко. Исследования народной жизни, указ. изд. стр. 295-303.
31. Там же, стр. 308-313.
32. Там же, стр. 315-355, 369-370, 376; Дворищное землевладение в южной Руси, указ. изд., стр. 159-160.

33. А. Ефименко, Исследования народной жизни, стр. 345-355; ее же. Учебник русской истории для старших классов средне-учебных заведений. СПб, 1909, стр. 431.
34. А.Я. Ефименко. Учебник русской истории, СПб, 1909, стр. 136.
35. А. Ефименко. Дворянское землевладение в Южной Руси /Исторический очерк / «Русская мысль», 1892, стр. 4-6,9.
36. А. Ефименко. Дворянское землевладение в Южной Руси. «Русская мысль», 1892, № 4, стр. 160-161; ее же. История украинского народа, СПб., изд. «Брокгауз-Ефрон», 1906, вып. 1-2, стр. 116-117; Історія українського народу, Харків, 1922, вип. I, стор. 92-93.
37. А.Я. Ефименко. Дворянское землевладение в Южной Руси (исторический очерк), «Русская мысль», № 4, 1892, стр. 167.
38. Там же, стр. 173.
39. А.Я. Ефименко. Дворянское землевладение в Южной Руси, «Русская мысль», апрель, стр. 174.
40. А.Я. Ефименко. Дворянское землевладение в южной Руси, «Русская мысль», май, 1892, стр. 1.
41. См. Й.В. Лучицкий. Сябры и сябринае землевладение в Малороссии «Северный вестник», 1889, № 1-2, Подробно см. П.Ф. Лаптин. Община в русской историографии, Киев, 1871, стр. 217-220; его же. Проблемы общины в трудах И.В. Лучицкого. В кн. «Средние века», МАН СССР, 1963, № 23, стр. 221-223.
42. А.Я. Ефименко, Дворянское землевладение в южной Руси, «Русская мысль», № 5, стр. 10.
43. Там же, стр.8.
44. А.Я. Ефименко. Дворянское землевладение в южной Руси, «Русская мысль», № 5, 1892, стр.4.
45. Там же, стр. 12.
46. См. В. Сергеевич. Древне-русское право, Т. III, СПб, 1903, стр. 386-400.
47. Там же, стр. 401.
48. О современной борьбе буржуазиях историков против общинной теории см. А.И. Данилов, А.Й. Неусын, – О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной историографии ФРГ. «Средние века», вып. 18, М., 1960; Н.Ф. Колесницкий, – Современная немецкая буржуазная историография о феодальном государстве в Германии, там же; А.И. Неусыхин. – Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII-XII вв. М., 1964; М.А. Барг, – Об одной концепции происхождения свободного крестьянства в средние века, Сб. «История и историки», М., 1971; М.А. Барг, – Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики, М., 1973; Ю.Л. Бесмертый, – Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII-XIII вв., М. 1969; Л.Т. Мильская, – К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ, «Средние века», вып. 38. М., 1975.